

НА СВЕТ ЗЕЛЕНОЙ ЛАМПЫ*.

ВОСПОМИНАНИЯ О Н.И. КОЧИНЕ

M.B. Ногтева

В середине пятидесятых годов, когда я училась на филологическом отделении Горьковского университета, весенним вечером среди фла-нировавшей публики на Верхне-Волжской набережной, которую сторожи называют Нижегородским откосом, я увидела хорошо одетого невысокого человека с тростью в руке.

— Смотри, смотри, — шепнула мне моя мать, — Писатель Kochin, автор знаменитых «Девок». Он мало изменился, а сколько лет минуло...

Она помнила его еще по тридцатым годам, когда была студенткой — свидетельницей небывалой популярности писателя среди читающей публики и, конечно, среди нижегородской молодежи. Молодой, щегловатый, с орденом «Знак Почета» на груди, он слыл человеком удачливым. Многие, вероятно, даже завидовали ему, но это только листо его самолюбия. В сороковые годы Николай Иванович Kochin пережил, как и многие, полосу репрессий сталинизма, прошел через невзгоды, испытания, лишения, войну. Она разметала людей, искалечила судьбы. Постлевоенные годы также были полны лишений.

Тихонько подталкиваемая матерью, я уставилась на Kochin. Широкий светлый плащ, шляпа, надвинутая на лоб. Из-под полей шляпы

взгляд цепкий, глубокий, немного колючий. Одно веко едва заметно подергивалось. Лицо скуластое, худощавое, костистое, по-мужицки грубоватое. Он шел в полном вакууме. В толпе перешептывались: «Кочин... Kochin». никто, однако, не подходил к нему. Так в развеявшемся плаще, с мягко постуживавшим об асфальт тростью, полный значительной сосредоточенности, погруженный в какие-то одному ему ведомые глубины и запомнился мне Николай Иванович.

Вскоре профессор Николай Петрович Синицын, друг моих родителей, похвастался:

— По соседству со мной живет Kochin, — он выждающе взглянул на меня. — Могу познакомить. Хотите?

Доктор медицинских наук, профессор Н.П. Синицын был большим любителем поэзии, в частности тонким знатоком Александра Блока, которого он мог без устали декламировать, подчиняясь музике стиха. Знал Синицын и про мое увлечение поэзией. Вот почему лукавое предложение Николая Петровича немедленно познакомить меня с знаменитым Kochinным показалось настолько заманчивым, что я поддалась искушению и согласилась, тем более, что была почти уверена, что поэтические строки,

* Советская деревня. 14, 20, 26 октября 1989 года

которые закинапли во мне и рвались наружу, будут непременно оценены им.

Лиловым апрельским вечером Синицын позвонил, сообщил, что Kochin едет меня. И вот — темно-серые дома в начале улицы Минина. Все знакомо до мельчайших подробностей. Улица хожена-перехожена, но странное волнение сжимает сердце, холода, лишь усилив волны стараюсь придать себе уверенность, спокойствие, независимость. Верю, что сейчас произойдет что-то значительное. Нажимаю звонок.

Тесная, населенная жильцами квартира. И пока меня проводят в кабинет к писателю, успевая заметить сквозь полуоткрытую дверь соседней комнаты девушку в белом

платы с розой на груди, поющую о ровля. Странное романтическое видение. Грезы апрельского вечера. Гулко прогудел пароход. Волга оживала.

Kochin, одетый по-домашнему, щегловато, встретил меня сухо, даже грубовато. И, пока я озирала, внутренне поеживаясь от смущения, тесный маленький кабинет, быстро спросил, какие филологические дисциплины мы изучаем и кто их ведет. Моя ответы его явно не удовлетворили. Потом попросил меня почтить стихи. Пока я читала, он морщился, как от боли, веко подергивалось, он не сводил с меня количества взгляда.

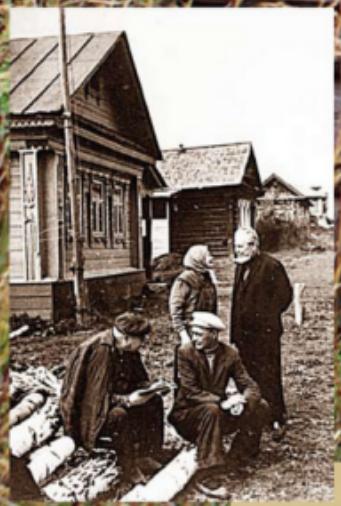
— Все это было — сказал он, выслушав меня, — у Блока, у Бальмонта, у Брюсова, только несрав-

нимо талантливее. И русского языка совсем не знаете. Словом не умеете пользоваться. «Мне показался цвет заката горьким». Почему «горьким»? Цвет и вдруг «горьким». Цвет не может быть горьким или сладким. Живо, неточно, манерно.

Потом еще долго говорил. Холодные жесткие фразы перекатывались по комнате, как биллиардные шары. И, когда он совсем забыл меня в угол, неожиданно сказал:

— Не расстраивайтесь. Галина Николаева писала стихи хуже вас. Удачи вам. Больше работайте. Читайте. Вы, как и многие, малообразованы. Всюду выскочки, неучи. А вообще заходите. Звоните.

Он поднялся. Протянул руку. Аудиенция закончилась. Виду меня, на-

Н.И. Кошкин беседует с прототипами
своих книг. 1970-е годы

СЕЛО ГРЕМЯЧАЯ ПОЛЯНА
ДАЛЬНЕКОНСТАНТИНОВСКОГО РАЙОНА
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ. 2010 ГОД

Дом Кочиных
в с. Гремячая Поляна

верное, был бледный. Оставалось вежливо поклониться и поблагодарить, что я и сделала с холодной последовательностью.

Вышла на улицу. Стемнело. На душа смутно. В чем-то он прав, но не во всем. И, подавив в себе чувство обиды, я решила, что большие к нему не пойду никогда.

— Ну что вам сказал Кочин? — спросил Синицын через несколько дней, встретив меня на улице. Он иронически улыбался. Конечно, он надо мной смеялся. Я ничем не выдала себя:

— Приглашала еще. Советовала больше работать над словом.

— Ну, вот видите... «Жизнь без начала и конца, нас всех подстерегает случай».

А случай, действительно, подстерегал. Мне стали приходить по почте приглашения на писательские собрания. Там я иногда видела Кочина. Он являлся элегантно одетый, шурша габардиновым плащом, не спеша выбирал место, кратко, сдержанно обменивался приветствиями. Иногда подавал реплики. Многих товарищей по перу звал по имени. Шестерикова — Мишней, Пильникова — Борей, Автономова — Володей. В мою сторону почти не глядел и только однажды, смеясь крючком взглядом, обратился к Пильнику:

— Зеленопузая молодежь растет. Привлекать надо, как ты думаешь, Боря?

Пильник добродушно согласился:

— Пора.

Столет апрель 1961 года. Полет Гагарина. Весна больших надежд. Площадь Минина омыта солнцем. Навстречу мне — Кочин. Остановил.

— Что не заходите? Забыли старика? Зазнаетесь. Слежу за вами. Обнадеживаете. Если вечер свободен, заходите в семью. Жду. Почитаете стихи.

У Кочина я была в назначенный час. Он жил уже в новой квартире,

большой, просторной, на первом этаже только что выстроенного дома возле драмтеатра. В кабинете у него кто-то был, и меня провели в ящую гостиную, обставленную по моде того времени рижской мебелью, отполированной под керельскую березу. В квартире все дышало благополучием. Из кухни доносились детский голосок.

И вот слышу, как в передней Николай Иванович вежливо выпровоживает гостя:

— Да, да. Конечно, я посмотрю вашу рукопись. Переработал? Учи замечания? Я сообщу вам свое мнение. До свидания.

Потом обескуражено говорил мне:

— Ходят ко мне мой учитель по пединституту Сергей Иванович Святинский. Прекрасный географ, великолепный педагог. Теперь вышел на пенсию, пишет воспоминания. И, знаете, совершиенно безнадежные. И жалко обижать старика, и врать не могу. Вот и мучаюсь.

Кочин неожиданно улыбнулся мягкой доброй улыбкой. Но вот бровь поползла вверх. Он небрежно забрался с ногами на тахту. Блеснули лакированные полуботинки. С изорным любопытством взглянул на меня.

— Читайте новые стихи.

Пока я читала, он не сводил с меня глаз, удовлетворенно кивал головой, двигал бровью, подмигивал.

— Так, — сказал он строгим менторским голосом. — Чувствую. Работаете. Неплохо. Он даже процитировал понравившиеся строки, хотя они были все в том же ключе, что и «горький цвет заката», из тех злополучных стихов, которые я год назад зареклась читать.

— Но все равно чувствую, что магнитомы. Не хватает образований. Да, да. Не спорьте. И поэзию слабо знаете. Вы кого из современных поэтов любите?

— Владимира Лутовского.

— Декламационен местами, риторичен... Но вкус у вас есть.

А Хлебникова не знает? — он победоносно взглянул на меня, брови ощетинились. — Гигантский пробел в нашем образовании. Какой поэт... Волшебник слова... Что все ваши аллитерации в сравнении с хлебниковской! Вы что-нибудь подобное слышали: «У колодца расколоты так хотела бы вода, чтобы в болотце с полозьями отразились берега...». Он еще долго читал тогда совсем неведомого мне Хлебникова, прислушиваясь к звучанию его музыкальных строк, иногда напоминавших какие-то магические заклинания.

Я была поражена. Прозаик, органически не терпящий неточных приближенительных сравнений, опиcаний, железный реалист, живописующий лишь то, что сам понял, увидел, пережил и друг — Хлебников!

В тот вечер он не переставал меня удивлять и отхлестывать как нерадивую ученицу:

— Леопарди знаете? Читали?

Я выптаркала глаза: университетское образование трещало по всем швам. Пришлось признаться, что и не слыхивала про Леопарди.

— Джакомо Леопарди. Граф. Юноша провел в доме отца, крайне деспотичного человека. Поэтистик. Образное мышление, словоизображество развито необычайно. Учиться надо у великих мастеров стиха. И у жизни. Жизнь — лучший учитель всех поэтов. А вы жизни не знаете.

Он иронически, как бы синхронично, взглянул на меня:

— Но это знание придет. Главное — не бояться жизни. Уметь рисковать. Творчество требует жертв. А вообще пора печататься. Обязательно. И в Москве, запомните.

Потом он вручил мне свою книгу «Кулибин» с автографом: «Молодой, подающей надежды...». Сказал, что писал эту историческую монографию в трудные годы сталинского безвременья, когда не мог напечатать то, что хотел.

Н.И. Кочин с односельчанами. Гремячая Поляна. 1970-е годы

С того памятного вечера между нами установилась незримая дружба. Внешне мы ее даже и не проявляли: я в силу инстинкта держалась так, как ведет себя младший по отношению к старшему товарищ, а он — признанный нижегородский классик — умел держать всех на почтительном от себя расстоянии.

Я даже не замечала, дружил ли он с кем-нибудь из местных писателей. Со многими был на ты, но не позволял себе никакого панибратства. По прохождении крестьянской деревенской привычки рассчитывал только на себя самого, на свои силы. Все, что смог достичь, он добывал тяжелым ежедневным трудом. Наверняка, поэтому не терпел зу́боскалства, еричества. Помню, как на одном из писательских собраний осадил популярного тогда горьковского поэта, славившегося своим остроумием:

— Анекдотика все на уме!

Таким гневным Кочина я никогда не видела. Лицо окаменелое. Руки, опирющиеся на трость, сплелись

в узел. Брови ощетнились. Поэт всхрапнул и, как это часто бывает у рыжеватых, веснучатых людей, залился краской. В собрании произошла заминка. Кочин любил жить открыто, широко по-русски, однако он же не чукд был и крестьянской расчетливости, заботы о завтрашнем дне.

Однажды, в первых числах января позвонил:

— Я вас жду в гости... Будут апельсины... в шампанском! Отметим наступление Нового года.

По случаю приема гостей в кабинете Кочина был накрыт журнальный столик. Угощением заведовала суровая с виду, повязанная платком по самые глаза, пожилая деревенская женщина. Кочин, оценив взглядом стол и не обнаружив какого-то деликатеса, послал женщину в гастроно. Она надвинула платок еще ниже, накинула шубку и с кошмой в руке вышла из дома, не проронив ни слова. Гастроно был напротив, и, восполь-

зовавшись короткой передышкой, Николай Иванович объяснил:

— Это наша домработница. Женщина из деревни. Очень совестлива...

Тогда открылся мне Кочин новой грани. Он был домовитым хозяином, любил прочный уют до машнего очага. И характерно, что блестительнейшей всего этого была выбрана им — в соответствии с его представлением — деревенская женщина, крестьянка,

Застолье мне запомнилось на всю жизнь. Главный разговор о литературе, роли и значении писателя перебивался кочинскими выходками. Ему хотелось все время, так сказать, вставлять пальцы в колеса. Он в свойственной одному ему манере все время поддразнивать собеседника подкладывал ловко, но не больно, задевал самолюбие. Было весело и горячо, азартно, как на состязаниях. А это и было состязание — в словесной пикировке, остроумии, эрудиции, а ее-то Кочин особенно ценил в собеседнике,

Н.И. Кочин за правкой романа «Семен Пахарев». 1960-е годы

и мне, выросшей в потомственной семье интеллигентов, где обширная эрудиция считалась чем-то само собой разумеющимся, оставалось лишь изумляться, насколько Кочин был образованнее, начитаннее, мудрее в своих репликах, замечаниях, чем многие местные ученые и писатели.

При этом Кочин любил шутку, иногда даже грубоватую, мужицкую, но даже в этих шутках сквозила особая кочинская грация, раскованность самородка, знающего все маски и одежды, в которые ряжется жизнь.

— В суды ходите? — неожиданно спросил он как-то. — Вот где страсти кипят. Страсти и конфликты наши дней. Социальное и психохологическое лицо эпохи. Брезгуете грязью жизни, а зри! Я хожу, и нередко. Сижу на заседаниях, слушаю, наблюдают, запоминаю.

Сколько ситуаций, конфликтов. Выдумать все это нельзя. Жизнь

несравненно богаче любой писательской фантазии.

И рассказал, как вскоре после окончания пединститута уехал под Туапсе за экзотикой на берег Черного моря. Работал в школе, а все свободное время писал авантюрные романы и рассказывал их по радиокомпаниям. Безрезультатно. Печатать их никто не хотел, и рукописи возвращались назад. Тогда он решил написать о том, что хорошо знал, видел, понимал изнутри, ничего не выдумывая. Роман имел необыкновенный успех. Кочин имел в виду роман «Девки».

Вспоминается сентябрьский листопад, мининский сквер, запорожанный золотом листвы. Волжский ветер. Вот идет Кочин, как всегда, погруженный в свои думы, опираясь на зонтик. На губах полуулыбка, лохматые брови свинцовые, но глаза светятся какой-то дальней радостью. Решила, что не заметит меня... Нет, заметил. Взгляд чуть-

чуть посуркал... Крепкое рукопожатие.

— Ну, как дела? — слышу знакомую подзадоривающую интонацию в голосе...

Усаживаемся на скамью возле умолкнувшего до весны фонтана. Глаза так и сверлят меня. Пальцы барабанят по ручке зонтика.

— Так-так... Фронтируете немножко... Больше всего мне нравится стихотворение «Малир».

Сразу чувствуется, что своего героя вы подсмотрели в жизни. Ведь так? На стройке? Я угадал? На строительстве автозавода я тоже работал когда-то никогнито. Потом написал роман «Парни».

Вскоре Николай Иванович подарил мне своих «Парней» с автографом. Через некоторое время Волгоградским книжном издательство были переизданы «Девки». Он пригласил меня к себе на этот раз за «Девками». Однако очередной визит к Кочину я умышленно оття-

Горьковская писательская делегация на II съезде писателей РСФСР. В.И. Баранов (1), М.В. Ноштев (2), Г.В. Краснов (3), Н.И. Кочин (4), Б.Е. Пильник (5). Москва. Колонный зал. Март 1965 года

гивала, как бы мне ни хотелось получить подарок. Решила дождаться выхода в свет своей первой книжки стихов «Орешек», чтобы отдать его и обрадовать. Не зря же он называл меня «подающей надежды».

И вот весной 1970 года в Москве в издательстве «Советский писатель» вышел мой «Орешек». Я пошла к Кочину. Он искренне обрадовался и подавляяя, «Девки» были вручены с надписью: «Автору книги стихов «Орешек», который разгрывать не очень легко, автору, несомненно даровитому, но капризному. С уважением прозаик города Горького и его окрестностей — Н. Кочин. 10 апреля. Суббота. Г. Горький».

С присущим ему юмором он опять как бы давал щелчок — не зазнаваться.

А вскоре в журнале «В мире книг» появилась и кочинская рецензия на этот сборник, в которой было сказано много по-настоящему добрых слов. В ту пору мы часто встречались

и не только на писательских собраниях. Иногда по вечерам, проходя через Театральную площадь, я видела издалека свет зеленой лампы, озарившей кочинский кабинет. Значит, он дома, и, памятя его неизменных приглашения заходить к нему запросто, я шла на зеленый огонек. О чем мы только не говорили в эти вечера! Однажды, когда, разговор коснулся истории нашего знакомства, я не удержалась и задала вопрос, который мучил меня все эти годы, почему в наше первую встречу он так резко, что называется в штыки принял мою лирику: ведь от некоторых своих ранних стихов я не откажусь и сейчас.

— И правильно делаете, — усмехнулся Николай Иванович. — А разгром я вамчинил совсем по другой причине. Как вам сказать... Я тогда устроил нечто вроде испытания, которое устраивали всем вступающим в литературу. Ведь в литературе по головке не гладят. В основном бьют и ругают, иногда уничтожают, просто стирают в по-

рошок. К этому надо быть готовым. Слабым там просто нечего делать. Человек и неплохой, по-своему талантливый, сломается, сочтет себя неудачником, проклинет всех и себя в том числе, потерянется в жизни, будет никем. Ведь еще Лев Толстой говорил, что писать можно только тогда, когда не можешь не писать.

И Кочин покосился на статуэтку Льва Толстого, стоявшую на письменном столе, и тоном педагога продолжал:

— Впрочем, мне и тогда было ясно, что вас не сбьешь, что мы с вами станем друзьями, не правда ли?

Каждая встреча с Кочиным была праздником для души, ума и сердца. Она веяла творческий заряд. Вызывала чувство беспокойства, неудовлетворенности. Недаром он так любил живопись, театр, музыку, оперу, балет — словом, все то, что сопутствует большому писателю в работе, жизни и творчестве, общении с людьми. В нем

мало было обыденного, бытового. Не любил говорить о болезнях, старости, усталости. Под его вопросом «Как живете?» неизменно подразумевалось что пишешь, о чем размышишься, над чем работашь? Абсолютно лицем был чувства зависти, ревности, презрения, ненависти, возызвался над суетой обывательности, как сквала, не теряя, однако, живого интереса к каждому человеку, нуждающемуся в общении с писателем.

Однажды летом застал его возле драмтеатра за изучением гастрольной афиши.

— Ну, как, были на спектакле «Коварство и любовь» в постановке Кировского областного драматического театра? — строго спросил он меня.

— Нет, кировский театр меня что-то не тянет, вот если бы московский, — мечтательно протянула я.

— Дилетантское заблуждение. Не ожидал я от вас. На столичных сценах шик, блеск, суррогат искусства, эрзац чувств, поветрие моды, бизнес, касса! Да если хотите знать, провинция вносила снежную струю в затхлую атмосферу столичной сцены. На провинциальных подиумах входила звезда Стрепетовой, Шалинина, Собольчикова-Самарина, — выговаривала мне Коchin. — Нет, Шильдеры они поставили великолепно. Слушайте, поэтесса, неужели вам безразличен Шильдер?

Он с укором посмотрел на меня. Вечером я пошла в театр. Давали «Коварство и любовь».

Зал был полупуст. Мое место оказалось на балконе. В бинокль обозревал партер, я заметила Кочину, сидевшего в центре первого ряда. Он был один в щегольском сером костюме. Большая седая голова была обрамлена светом театральной рампы. Шевельнулся занавес. Коchin откинулся на спинку кресла, отдавая себя на растерзание шильдеровским страстям. Лет через десять после этого я оказалась

в Кирове в командировке от «Литературной России». Еженедельник как раз интересовал областной драматический. Оказывается, прав был Коchin — театр считался лучшим среди провинциальных!

В конце шестидесятых годов, когда я еще жила в городе Горьком, под праздник и изредка просто так приходили ко мне по почте кочинские письма, исполненные скрытой доброты, заботливой нежности и шутливой почтительности, написанные его характерным почерком первом № 86. В этих письмах, отмечая мои победы и поражения, он как бы продолжал наши диалоги, не оконченные в кабинете при свете зеленої лампы.

В начале семидесятых годов я со своей семьей переехала в Подмосковье, наша переписка развернулась по-настоящему. Я попросила у Коchина рекомендацию в Союз писателей, он немедленно ее выслал вместе с теплым дружеским письмом. Видно было, что Коchin даже растроган моей просьбой.

Встречались мы уже редко, случайно, в кулуарах Центрального дома литераторов или на писательских съездах. Он стал белым как луна, отпустил круглую бороду и похож был на патриарха нижегородской писательской братии. Но веселый озорной принц остался. Не исчезла и манера подзадоривать собеседника, вызывать на спор. Июньским вечером 1981 года позвонил:

— Что-то я не видел вас на писательском съезде. Пренебрегаете, а зря!

— Я вас искала, да не нашла ни в зале, ни в кремлевских палатах, ни в буфете.

— Плохо искали. А я бы хотел с вами встретиться, поговорить по старой дружбе, или уж забыли старика?

Характерная кочинская контратака не позволила использовать распространенные в этих случаях комплименты. Даньежливости ему была ни к чemu. Спросил, как живу.

Сказала, что недавно вернулась из поездки по Испании. Воспринял эту новость без восторга.

— Заграничные путешествия обогащают лишь внешними впечатлениями и засоряют мозг. Русскому писателю вообще нечего делать за границей. Языка он не знает, жизнь чужда и непонятна. О чём он может написать потом? Лишь о том, что известно по справочникам и путеводителям. А вообще рад за вас, что расширяете свой кругозор. Из заграницы яснее видна родина, ощущимее кропивная связь с ней.

Вскоре я поняла, что он был прав. Наша переписка продолжалась до 1983 года. Он отпраздновал свое восьмидесятилетие, получил орден Дружбы народов и звание «Почетный гражданин г. Горького». Присыпал мне прессу тех юбилейных дней, иронизируя слегка, но, видимо, был доволен. Письма его я храни, иногда возвращаюсь к ним, продолжая мысленный диалог с тем, кого считаю своим учителем. Ведь он поддерживал меня в трудные минуты слабости или малодушия, неизменно повторял: «Верю в вас».

На этом можно было и закончить это небольшое эссе — воспоминание, если бы не один эпизод, о котором тоже хочется рассказать. Осенью 1988 года во время моей поездки по Италии в составе писательской группы в одной из венецианских пинцерий, где для нас был приготовлен обед, зашел разговор о современной русской романистике.

— А кто-нибудь из вас читал романы Коchина? — вмешался в разговор Сергей Дмитриевич Артамонов, литературовед, профессор Литературного института. — Вот у кого нужно учиться. Замечательный русский язык, гибкий, живой, пластичный. Жаль, что Коchin мало известен молодежи. А это большой русский писатель.

Я вздрогнула.

— Николай Иванович Коchin мой земляк и учитель. А вы с ним были знакомы?

— Да, и скажу даже больше, — продолжал Сергей Дмитриевич, — я счастлив, что судьба мне подарила дружбу с ним. Самородок, философ, истинно русский талант, самомука, умнейший и точный художник слова. Не поверите, но наши беседы с ним — а встречались мы чаще всего в домах творчества в летнее время — продолжались до утра. Признаться, когда я познакомился с Николаем Ивановичем, то понастоящему не имел представления о его творчестве. И вот в январе 1983 года получаю бандерол из города Горького — роман «Девки». Скажу прямо, я был ошеломлен. Это классика, чистейшая классика. Как вянут перед его романом все нынешние деревенщики и те, о которых трубят ныне наши газеты, радио, телевидение. И откуда у него такое знание деревни, ее многозначных лициков, всех этих тысяч деталей ее быта, нравов, обычаяев, речи?! Одним деревенским жительством этого не объяснишь, это по-настоящему дар божий — талант. Я клял себя за невежество: как я мог пропустить эту книгу, не прочитать ее ранние. Следует сказать и еще об одном бесценном качестве романа — о языке. Я читал и перечитывал кочинские страницы, чтобы насладиться прелестью русской разговорной речи. Да и авторская речь вся звонит исконно русским раздольем, ярким, певучим словом: «Ой, лесочки, хмелевые ночи!» Что и говорить, языки персонажей сочен, красочен, сколько образных выражений, сравнений, прямо-таки разящих, а уж эпитеты, эпитеты!

Так на улицах итальянских городов в течение десяти дней мы не представляли говорить о Кочине, вычленяя все новые и новые штрихи к его портрету, черточки, оттенки фраз, интонаций, выражений, жестов... Такое было чувство, будто рядом с нами существует Николай Иванович...

А уже в Москве Сергей Дмитриевич показал мне скромно изданную книгу в шершавом переплете, на которой легким штихом был нанесен контур моего родного горо-

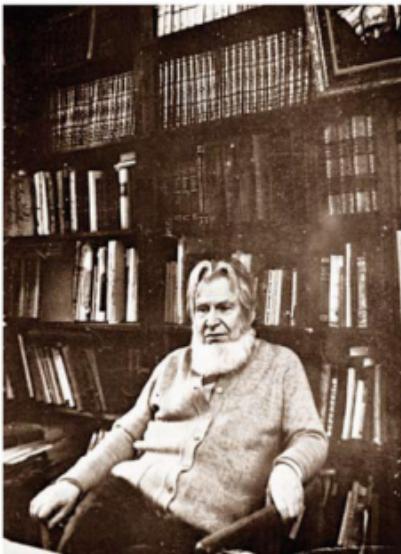
да. На развороте характерными почерком первом № 86 было начертано: «Благодарю судьбу, что она сподобила меня большому благу на земле — встретить интересного человека, Вас, Сергея Дмитриевича, предоставила мне возможность пить из родника Вашего изуинского слова. С приятельностью и уважением Артамону Сергею Дмитриевичу на добрую память о Малеевке в отдачу». Содержательную книгу Вану «Вольтер и его время» прочел с большим удовольствием. Вам Кочин. 1983 г. 15 января».

И еще об одной кочинской миссии поведал мне миленейший Сергей Дмитриевич, автор предисловия к очередному переизданию знаменного романа Бальзака «Утраченные иллюзии», где речь идет о судьбе молодого человека, столк-

нувшегося с жестокой жизненной реальностью. Получив это издание в качестве «отдара», Кочин послал автору предисловия письмо, выполненное неподдельной тревогой за судьбы рядовых выпускников Литературного института, тех самых, что так часто оказываются за бортом большой литературы.

— Это письмо, — сообщил мне профессор, — я люблю цитировать на своих занятиях со студентами. Сколько там справедливых, умных и проницательных предостережений молодым литераторам, не понимающим, сколько опасности таится в наивном самообъединении собственными первыми успехами.

Добрый, строгий, взыскательный, заботливый Николай Иванович! Забыть ваши напутствия нельзя...

Н.И. Кочин. Конец 1970-х годов

M

Н.И. Кошин. 1970-е годы

М

Николай
Кочин

нижегородский
откос